

18+

Геннадий Литвинцев

Оглашение

Книга стихотворений

Геннадий Литвинцев

Оглашение. Книга

стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71176828

ISBN 9785006465800

Аннотация

Нужны на стихи огромные средства – наследство стихий, сбережения детства... Книга вмещает не только лирику, но и обширную статью о классической суфийской поэзии. А также сатирическую пьесу в стихах и прозе «Идол».

Содержание

Свет и тени	6
ПОСВЯЩЕНИЕ	6
ДАЙ УГАДАТЬ ТВОИ ПУТИ	7
В КОНЦЕ БИОГРАФИИ	8
ДЕТИ КАИНА	9
НА ПЕРЕВАЛЕ	10
В ДНИ ИРОДА	11
ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ	12
В МУЗЕЕ	13
Метемпсихоз	14
НОСТАЛЬГИЯ	14
ПОТЕРЯННЫЙ	16
ИЗГНАННИК	18
МЕТЕМПСИХОЗ	19
НА КОНЦЕРТЕ	20
В зеркале заднего вида	21
ДОГАДКА	21
НА РАССВЕТЕ	22
ОСЕННИЕ ЖАЛОБЫ	23
В РЕСТОРАНЕ	24
В НОЯБРЕ	25
ПРЕД ЗИМНИМ ПЕЙЗАЖЕМ	26
СЛЕД В СНЕГУ	27

ТРИ ПЕСНИ	28
В БОЛЬНИЦЕ	29
ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗИМЫ	31
СОН	32
Между столетий	33
ПАМЯТИ ЗИНАИДЫ ГИППИУС	33
НАШЕСТВИЕ	35
ГИМН СТАТУЯМ	37
НОЧНАЯ КИНОХРОНИКА	39
СТИХИ КАМЕРЫ И ТЮРЕМНОГО ДВОРА	40
НА ПЕРЕПЛАВКЕ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Оглашение Книга стихотворений

Геннадий Литвинцев

© Геннадий Литвинцев, 2024

ISBN 978-5-0064-6580-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свет и тени

ПОСВЯЩЕНИЕ

Последний раз живу я на Земле.
Долги мои невелики, но все же
Пора их возвращать, чем множить,
Идти на свет, а не петлять во мгле.

Но что теперь могу просить у Бога?
Какой представить вечности залог?
Лет не считал своих и зря их тратил много
И в молодости не трудился впрок.

И вот прошла. Что предъявить могу я?
На что истратил лучшие лета?
Но душу сохранил Господь живую
И без упрека разомкнул уста.

ДАЙ УГАДАТЬ ТВОИ ПУТИ

Когда слушаешь хулителей твоих —
Как не смутиться, не смешаться с хором!
И так легко прославиться средь них!
И разве мало правды в их укорах?

Да, вглядываясь в твой разлад и мрак,
Не удержу я горестного плача:
Ты мимо церкви часто шла в кабак,
С обманщиками проспала удачу.

О, Родина, от язв твоих и бед
Не отведу я малодушно взора.
Дрожит и мечется судьбы неверный свет —
Никто её не знает приговора.

Не оставляй в неведение жестоком,
Дай угадать твои пути.
За эти слёзы, за мои попреки —
Прости меня, прости!

В КОНЦЕ БИОГРАФИИ

Замучил мать, растлил своих детей,
Пугал соседей буйством и пожаром,
Иконы сжег, добро спустил задаром,
С ворами знался, отвратив друзей.

Как пес приبلудший, старый и больной,
Со всех сторон он слышит поношение.
За доброту не выдать одряхленье
И жалости не вызвать слепотой.

Смеются дети над его концом.
Они его фамилии стыдятся,
Клянут его, между собой рядятся,
Увы, не видя, что горит их дом!

ДЕТИ КАИНА

Где рай был Господом насажен
И Русь цвела, как буйный сад,
Огонь извергся, лют и страшен,
И твердь терзает бранный смрад.

Змей-искуситель вновь у входа
И души собирает в сеть.
Неотвратимая свобода —
На вражьей стороне сгореть.

Они пришли из стран заката,
Сад божий обратив в тюрьму.
И снова Каин ищет брата,
Как будто сторож он ему!

НА ПЕРЕВАЛЕ

Сколь славен Бог! Рачительный портной,
Он новые миры кроит из сгнившей плоти.
Младенца слышен крик из-под лохмотий.
Убитый воин вновь встает на бой.

Все тлен и сон, мертвящая тоска
Тем, кто не знает тайных обещаний.
Но бодр иерей и песнь его легка,
Когда зарей вызывает к предстоянию.

Звездой начертано на небосводе ныне,
Что Пересвет с копьем в грузовике
Печалью поразит содомскую богиню
С погасшим факелом в руке!

В ДНИ ИРОДА

Наряженная стрекозой,
С подвижным станом павиана,
Она хотела, чтоб слезой
Глава скатилась Иоанна.

Свисали щеки, зал сопел,
На сало напирало сало.
Она запела. Краснотел,
Ирод велел, чтобы плясала.

Царь не моргал, глазами грыз.
Он пил её, как лесть и славу.
Но выше становилась высь.
В ночи пылал пророк кудрявый.

И содрогнулось всё в чаду,
В агонии огня и в блюде,
Когда не голову – звезду! —
Отрубленную пронесли на блюде.

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

...Ты говоришь: мы мало значим,
могли бы жизнь прожить иначе
и в чем-то больше преуспеть.
Но вспомни, кто поднялся в гору,
чтобы бежать за ними сворой
и от стыда не умереть!

Чем так витийствовать и княжить,
уж лучше онеметь, бродяжить,
запоем пить, сойти с ума.
Как строить прочные хоромы,
когда душа не знает дома?
Нет, лучше посох и сума!

Смотри, какие превращения,
какой идет круговорот:
былой успех стал пораженьем,
их возвышенье – униженьем,
позором слава и почет.

Мы ж не стремились в командиры,
не обещали брать преград
и презирали все мундиры —
теперь уж поздно на парад!

В МУЗЕЕ

Словно сон разбитый,
облетевший цвет,
за стеклом невымытым
закононый свет.

Каменные боги,
ржавые мечи...
Ничего не трогай,
дума́й – и молчи!

Метемпсихоз

НОСТАЛЬГИЯ

Заезжий двор. Ночная темнота.
В усадьбе Фета наступает осень.
Ну почему меня туда уносит?
Моя ли родина орловские места?

Открыли номер. Могут быть клопы.
А за стеною льются разговоры —
О видах на зерно, о земстве, о соборах.
Дьяк, прасол и студент сомкнули лбы.

Чай принесли. Зовут сразиться в карты.
«Я не играю». «Виноват». «Ничуть».
Немного рома. С книжкой Энгельгардта
Общинных дел откроется мне суть.

А завтра б лошадей пораньше – и в дорогу.
Наверно, шлях размыт, да это не беда.
Задую свечку, помолюся Богу.
Покой и сон. Так было бы всегда!

Россия, спи, не скоро страшный год!

А может быть, еще и пронесёт...

ПОТЕРЯННЫЙ

На перекрестке человек
с глазами, полными печали.
Его как будто откачали,
или проспал он целый век.

Он города не узнает,
а здесь все годы пробежали.
И он в оцепененье ждет,
чтобы нашли его и взяли.

Вот женщина идет – она
могла ведь быть ему женою.
Да сколько ждать, пока жена
придет и заберет с собою!

И дети выросли теперь.
Куда все к черту подевались?
Они ведь дома оставались,
когда он уходил за дверь.

Напрасно руки он раскрыл —
все пробегают сквозь и мимо,
как будто он лишь струйка дыма,
как будто никогда не жил.

Он хочет крикнуть свое имя.

Не получается. Забыл.

ИЗГНАННИК

Над Староместом тяжких туч прибой.
Через дождь и мрак сияет Рождество.
Горит свеча над чаркой золотой.
Пришельцу ненавистно торжество.

Напрасно из Сибири он, упрямый,
Летел сюда. Другому отдана
Любимая со взором Остробрамы.
Душа его к кресту пригвождена.

Теперь весь мир изгнаннику чужой.
Что понапрасну тыкаться в нем слепо?
Столешницу горячей головой
Прямая на миг и выйдя из вертепа,

Сквозь пляски и костры понурым вором
Идет на Страшный суд горящего собора.

МЕТЕМПСИХОЗ

К жизни вызвана взываньями к Олимпу,
С пьедестала сходит Галатея.
Раб желанья, оборвав молитву,
Ищет дверь спиной, стены бледнее.

Когда живых от нас уводит смерть
К неподвижности вещей и холоду безмолвия,
Страх сердце ест, но сколь ужасней зреть,
Как жилы камня наливались кровью!

Она влечёт на ложе, как на плаху,
Бесстыдной радостью её наполнен стон.
Что ж каменеешь, повелитель праха?
Насмешка в милости богов, Пигмалион!

НА КОНЦЕРТЕ

Еще робели голоса
Несыгранного оркестра,
А стало в зале душно, тесно,
И больно сделалось глазам.

Вставая, встряхивая пыль,
Валторны с трубами запели.
Надсадный звук их заглушил
Утробный вопль виолончели.

И вдруг из глубины, средь зала,
Непостижимо в чьих руках,
Протяжно скрипка прокричала
И кто-то выбежал в слезах.

В зеркале заднего вида

ДОГАДКА

В сожженную тетрадь
(иль так казалось?)
в минувшие года
легко писалось.

На память не надейся тут —
оторванные корки
и имени не назовут
любимой втихомолку.

Быть может, лучшее во мне
и по сей день, как знать,
записывается во сне
в сожженную тетрадь?

НА РАССВЕТЕ

В часы, которых нет на циферблате,
Мы проходили кромкой огневой.
Я обнимал – и рвался из объятий,
Горела ты – и гасла подо мной.

Что обладанье? Только скопидому
Мгновеньем мнится, что обрел удел.
Не удержать его в полете невесомом —
И тщетным было сопряженье тел.

ОСЕННИЕ ЖАЛОБЫ

В саду еще тепло с возлюбленным стаканом,
Но осы уж не льнут к багровому вину.
Летящих дев глаза – на юг еще не рано ль? —
Безжалостно мою минуют седину.

Что ж, попрощаемся! Пустеет дней пространство,
Смолкает музыка, теряет силу цвет.
Усиьем памяти верну из дальних странствий
Изменниц юности и приживальщиц лет.

Сиделки не нужны. Закатного сиянья
Осенних вечеров приятен хлороформ.
Останьтесь хоть на миг, как зов, как обещанье,
Как в Летнем парке обнажение форм!

В РЕСТОРАНЕ

В тот вечер исполнял заезжий хор
«Большую мессу» Моцарта.
Тот вечер
Над нами исполнял свой приговор.
Мы шли по улице – и снег давил на плечи.

Не зал,
А белая безлюдная аллея
Показывала чувства номинал
И развести хотела нас скорее.

Но мы с тобой зашли тогда в подвал,
Где, будто чурбаки взвалив на плечи,
Нас скрипачи томили целый вечер
И саксофон над нами хохотал.

И в этом угорев подвале
От дыма, клятв и речей,
Расслышали – и все сильнее, сильнее —
Как вдалеке нам Моцарта играли...

В НОЯБРЕ

Оплошали – и дождь полощет
нас, как полотнища, насквозь.
И выйдешь ли сухим, когда по площади
шлепает дождь!

Понуждает он кланчить
хоть на медный грош
тепла. Понуждает плакать
навзрыд этот дождь.

Хоть руки наложи
на себя, когда и ты
пасмурно глядишь,
и мрут цветы.

Мокнешь и знаешь —
тепла не найдешь.
Но как же манишь,
ноябрьский дождь!

ПРЕД ЗИМНИМ ПЕЙЗАЖЕМ

Сине-зеленый, постылый, прозрачный
Словно стеклянный закат.
Вот и свершается кем-то назначенный
Чистый и тайный обряд.

Нам не желали чинить этой боли —
Значит же что-то сиянье!
В том, что мы мучимся здесь поневоле,
Умысла нет мирозданья.

То, что свершается без принужденья,
Только нечаянно кажется казнью.
Звезды и снег, и холодные тени,
Просто холодные, без неприязни...

СЛЕД В СНЕГУ

Сколько б не жил и не бросался
В запой, в пургу,
Незаживающим остался
Твой след в снегу.

Он ничего не обещает,
Ни встреч, ни благ.
И все ж уводит, зазывает
Его зигзаг.

Мне память сердце иссосала,
Как червь, как жар.
Теперь не жалит, как бывало,
А ест, как ржа.

ТРИ ПЕСНИ

Пью из твоих ладоней
тепло – и прошел испуг.
У водопоя кони
тоже стихают вдруг.

* * *

Не так ручья в пустыне ждут,
как я тебя из жаркой глуби.
Во сне твои шептали губы:
«Засыпан камнепадом путь...».

* * *

Сны – забыванье. Это память
отпускает тебя.
Так птицы, в небесах теряясь,
отлет трубят.

В БОЛЬНИЦЕ

1.

«Господи, мир обитаем!

И не зря мы пороги Твои обиваем, —

молился больной.

— Запах трав и дыханье реки к нам заносит
в палату.

Ты кладешь мне на раны заплаты,
не оставляешь ночью порой.

В муке светлеет мой ум.

И приходит тогда понимание:

Ты — моя боль.

Вот почему я не знал Тебя ране».

2.

Сквозь занавес окна луны желток.

Ночь болью выпита. И падает рука,

Как падает роса в лугах — бессильно.

Но в имени твоём — воды глоток.

Позвал тебя, и ты вошла, легка,

Одним касаньем жажду утолила.

А боль моя тебя не обожгла,
Когда ты лоб горячий остудила
И ночь-сиделку прочь отогнала?

Сон с именем твоим влетает, шестикрылый...
1989

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗИМЫ

Спишь. За стеною, знаешь ли,
облапил дождь деревья.
Шатает ветры наискось
меж небом и деревней.

Скрипят заборы и кусты,
измаясь поясницей.
Закутайся, согрейся ты —
дальнейшее приснится.

Как будто с вечера, впотьмах,
через десятки улиц
кто-то, измокнув и устав,
идет к тебе, волнуясь.

И он единственный, кому
твой свет, твой образ нужен.
А ты не можешь встать к нему
и защитить от стужи.

Под утро, вымесив насквозь
все тропы, все пределы,
неслышно снегом станет дождь
покойным, белым.

СОН

Засыпаю – засыпаюсь
зыбью, сыпью, сном, песком...

И в глазах темно от зноя —
белым зноем, белым днем!

Сердце – стук в окно пустое,
стук ведра в сухое дно,
стук о дерево сухое...
Белым днем – в глазах темно!

И в покое нет покоя:
стук ведра в сухое дно,
стук о дерево сухое.

Засыпает. Засыпаю.
Засыпает сном, песком,
зыбью, сыпью, белым зноем.
Засыпаю – сном, песком...

Засыпаюсь в белый зной.

Между столетий

ПАМЯТИ ЗИНАИДЫ ГИППИУС

К Гиппиус (как, наверное, многие) шёл я от Блока. В школьные годы слышал о ней, но стихов её нигде не находил. И только когда поступил в университет, обнаружил и смог получить «из подвала» две её книжки, изданные до 17-го года. Чтение Гиппиус, как и других «катакомбных» поэтов, воспринимал как прививку от официоза и исторического беспамятства. Тогда и написал это стихотворение.

Из пожелтевших каталогов имена.
Подвалов, пыльных и убогих, со дна
Извлекли, подали, как упрёк,
Тонкие книжонки, мне намёк
На былые, на глухие времена,
Из книжного хранилища, из сна.

И вот звучат мотивы ровных строк,
Пожелтевших, поистлевших страниц.
Тон манерный изысканно высок:
Грусть лампадная монашеских светлиц,
Шепот ложно-покаянных молитв,

Ропот старомодных чувств, и дым,
И невнятный гром каких-то прошлых битв,
Смысл которых нам непостижим.

Но когда вокруг шумит прибой,
Заглушая всё в тебе самом,
Разрушительной, ровняющей волной
Мир твой обрекая на разлом —
Мысль уставная, надменна и слепа,
Как плодочервь, все выест в черепах.
Чтоб ты мыслить мог, мечтать, смотря на свет,
Вырабатывай в себе иммунитет,
Неприимчивость к поветриям, к всему,
Что омертвлением грозит уму.

Истеричка, грешница, святая — кто ни есть,
Гиппиус, глухая сердцу весть
О мирах, протекших, сгоревших дотла —
Из подвала две книжонки подала.

1970

НАШЕСТВИЕ

На Русь нашествие – страшнее
И печенегов, и татар:
Ползет, от умиленья млея,
Лжеисторический угар.

Скрипят обозы, караваны,
Груженные сверх всяких сил:
Везут бумагу и румяна,
Холсты и бурдюки чернил.

За ними рать ползет неспешно,
Как рать Батыева ползет —
Весь многошумный, многогрешный
И много пишуций народ.

Текут туда, в средневековье,
Где Русь недвижна и светла...
От суеты и многословья
Дрожат золотые купола.

«Ты и во сне необычайна!» —
кричат, играя словом «Русь».
Но ведь у Блока не случайно

«Твоей одежды не коснусь».

Что ж, Русь, пред мощью вековою
Нашествий много било лбы.
Но как остаться ей святою
Пред наглой пошлостью толпы?

Сорвут покровы, все изгадят
И все оставят без лица.
Прошу, уйдите Бога ради,
Не ради красного словца!
1971

ГИМН СТАТУЯМ

Статуи!

на высоте полета птиц,
поседевшие от их помета,
не смотрите под ноги ниц,
чтоб не схватила рвота.

Жизнь внизу —
беготня и риск.

Мы, нетрезвые и измызганные,
продолжаем свой вечный иск...
Никак не собраться с мыслями.

Но вы-то, статуи,
взлет или скат
в вечность, в оцепенение?
Чей давит каменный взгляд?
А у той почему дрожат колени?

Каменотес, что над вами дышал,
хотел угодить правителю.
Но древняя мудрость, что статуй душа
принадлежит Праксителю.

На смех эстетам,
на память историкам
взгромоздились — и гимны вам пой!
А ваша сестра Галатея,
покинутая любовником,
попрошайкой и проституткой
на мостовой.

1970

НОЧНАЯ КИНОХРОНИКА

(Голос за кадром)

– Я гость полуночный.
Я стук ветряной.
Я ржавый скрип двери и ставен.
Я шорох в углу,
разговор за стеной,
кошмар, наваждение спален.

Ваши сны я могу повторить
хоть ночью, хоть в полдень, поскольку
нетрудно мне свой аппарат прокрутить —
сновиденья засняты на пленку.

И бред сокровенный могу передать
магнитную лентой незримой.
Тайный провидец, умею читать
клинопись ваших морщин я.

Но хватит признаний! Я все рассказал.
Когда вы уйдете с земли —
я всех приглашу в голубой кинозал,
чтоб позабыть не смогли.

СТИХИ КАМЕРЫ И ТЮРЕМНОГО ДВОРА

1.

Нас пинками подняли в четыре утра.
Ветер резал глаза, как правда.
Мы забыли, что с нами было вчера,
и не знали, что будет завтра.

Бился в голову снег. Имена
летали по двору и падали.
Кашель грудь разрывал до дна
и тянуло из глотки падалью.

Рвань, и кожа, и кость продрогла,
и душа занялась болезнью.
Это бред, наваждение, это выдумка черта.
Сгинь, исчезни!
Но не исчезнет.

2.

Мой товарищ устал.
Он забился в угол камеры,
замолчал, не отвечает.
Может быть, меня принимает за шпика

или охранника.

Я пытаюсь его ободрить:

– Скоро тюрем не будет, стен не станет —
только земля и небо, вода и воздух,
как в забытые времена.

Он пытался привстать. Но не смог —

и заговорил, не повернув головы:

– Знаешь, что привело меня к вам?

Слова о блаженстве жаждущих правды

И мое чувство прекрасного.

Подло быть заодно с сильными.

Хамство торжествующих ненавистно.

Сегодня вы гонимы – и на вашей стороне поэзия.

А я люблю Эсхила и Байрона.

Но когда вы одержите победу,

то запрете сначала своих тюремщиков,

потом несогласных, потом друг друга,

и останутся тюрьмы.

Сегодня я за вашу идею отдаю жизнь,

а завтра другой будет умирать, чтобы от нее избавиться.

Мой товарищ устал.

Я хотел пробудить в нем жажду к жизни и свободе.
Я подвел его к окну.

Светало. Серенький свет
кропил наши бледные лица.
Я воскликнул как можно торжественнее:
– Видишь, новый день загорается!
Встанет солнце, рассеется мрак.

Случилось же непредвиденное:
оказывается, я потерял ориентацию во времени
и вечер принял за утро.

Мрак сгущался, небеса погасали.
Исчезали последние отблески.
В темноте светились его глаза.

3.
Тюремного двора
люблю покой и ровность.
Здесь от угла и до угла
геометрическая стройность.

Ни гомона, ни суеты,
ни лиц прохожих.
Листвою не сорят кусты,

ни птах, ни кошек.

Ни мышь, ни мысль не пробежит,

Ни помысл тайный.

Лишь только ветер прошумит

Не циркулярно.

1973

В всеведение злодейства и растрат

И поруганья правды на полмира —

Ему стоять в обличии кумира,

Грудь выкатив как на парад?

Когда б на миг нетленная душа

Могла вернуться в бронзу или камень —

Наверно б стыд ожег лицо, как пламень,

Он с постамента тотчас бы сбежал.

О камень мостовой ударив лбом

И в горестных рыданиях содрогаясь,

Шептал бы он: «Не ведал! Отрекаюсь!»

И в сторону б грозился кулаком.

НА ПЕРЕПЛАВКЕ

В Таллине нашлась бронзовая фигура Сталина, на отливку которой в свое время был употреблен памятник Лютеру. Теперь металлу собираются вернуть прежнее обличье.

Век-лицедей, твои метаморфозы,
Их едкий смысл опасны для ума.
У Лютера – усы! Смеяться ли сквозь слезы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.